

НАТАЛЬЯ ВЕРШИНИНА

Псковский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра литературы
180000 Псков
ул. Некрасова, 24

ПОЗИТИВИЗМ В КОНТЕКСТЕ 1850–1880-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. Н. ЯХОНТОВА)

POSITIVISM IN THE CONTEXT OF THE 1850–1880S (ON THE EXAMPLE OF ALEKSANDR YAKHONTOV'S LITERARY AND SOCIAL ACTIVITIES)

В статье впервые, с опорой на фундаментальное исследование проф. Барбары Оляшек, рассматривается проблема места и значения позитивизма в жизни и творчестве псковского поэта второй половины XIX века Александра Яхонтова. Доказывается, что общественное поведение и литературная деятельность Яхонтова дают основание отнести его к типу «среднего человека» в его наиболее совершенном выражении – об этом свидетельствуют некрологи Яхонтова, где он единодушно представлен как продолжатель «лучших традиций людей сороковых годов». При этом Яхонтов совпадает в большей степени с той концепцией типа, которая позиционирует его «не культурно-идеологически, а культурно-прагматически» (Л. Н. Синякова, *Художественная антропология русской литературы 1840–1870-х годов: образ человека в русской литературе 1840–1870-х гг.*, Saarbrücken 2011, с. 269–270). Это сближает его с позитивизмом, основные начала которого Яхонтов постигал как литературными средствами, так и житейским опытом. Общий характер деятельности Яхонтова – помещика либеральных взглядов, чиновника, защищающего дело народного просвещения, земского деятеля, стремящегося отстоять идеи «общественного консенсуса в сочетании с принципами либеральной экономики» (Б. Оляшек, *Русский позитивизм. Идеи в зеркале литературы*, Łódź 2005, с. 288), новатора в разных формах усадебной хозяйственной деятельности – был ориентирован на базовые категории позитивизма: служение науке и прогрессу, веру в «полезный труд», убежденность в правомерности «карьеры» и «успеха», наряду с высокими «идеальными» ценностями. В то же время утверждается, что позитивизм остался одной из многих тенденций, которым Яхонтов следовал, синтезируя их в подвижном единстве своей жизненной философии и литературного творчества. Последовательным он оставался в поиске «золотой середины», сближающей «предание» с «прогрессом», «наследственный покой» с новаторскими идеями и преобразованиями, ведущими к общественному процветанию.

Ключевые слова: Александр Яхонтов, позитивизм, природа, наука, прогресс, «полезный труд», «человек сороковых годов».

The paper, drawing on the fundamental research by Barbara Olaszek, for the first time examines the problem of the place and importance of positivism in the life and works of the Pskov poet of the second half of the 19th century, Aleksandr Yakhontov. It is argued that social behaviour and literary activities of Yakhontov give a reason to recognize in him the type of the 'average man' in its most perfect manifestation; this is also evidenced by obituaries for Yakhontov, where he was unanimously presented as a continuator of 'the best traditions of the generation of the forties.' Moreover, Yakhontov's stance is largely congruent with such concept of the type which positions him as 'not ideological and cultural, but cultural and pragmatic' (L. N. Sinyakova, *Art anthropology of Russian literature of 1840–1870-ies: the image of man in Russian literature in 1840–1870-ies.*, Saarbruken 2011, pp. 269–270). This brings him close to positivism, basic principles of which Yakhontov incorporated both into his literary actions and into his life. Yakhontov's varied activities – as a liberal landlord, an official, defender of the cause of public education, local activist seeking to defend the idea of 'social consensus in conjunction with the principles of liberal economy' (B. Olaszek, *Russian positivism: Ideas in the mirror of literature*, Łódź 2005, p. 288), an innovator in various forms of manor economy management – were all centred on categories crucial for positivism: the devotion to science and progress, belief in the 'useful work,' conviction about the legitimacy of 'career' and 'success,' along with high 'ideal' values. At the same time it is asserted that positivism was one of the many trends that Yakhontov followed by synthesizing them into a dynamic unity of his philosophy of life and literary creativity. He remained consistent in his search of the 'golden mean,' bringing together 'tradition' and 'progress,' 'inherited ease' and innovative ideas and transformations leading to social prosperity.

Keywords: Aleksandr Yakhontov, positivism, nature, science, progress, 'useful work', 'generation of the forties.'

Выбор, в качестве объекта изучения, деятельности малоизвестного псковского литератора, помещика и государственного служащего Александра Николаевича Яхонтова (1820–1890) обусловлен актуальной до настоящего времени потребностью в уяснении типологии «среднего человека» в обстоятельствах русской действительности второй половины XIX века. Обращение к личности «среднего человека» в данном случае подразумевает высшую степень ее устремленности к реализации жизненных интенций разнообразной идейно-эстетической направленности и бытийного значения. Личность Яхонтова вполне отвечает этой модификации социокультурного типа, о чем красноречиво свидетельствуют некрологи поэта в столичной и местной печати. В них соседствуют, с одной стороны, неопределенность выражений относительно мировоззренческих дефиниций и литературно-творческих ориентиров, характеризующих позицию Яхонтова, и, с другой стороны, четкость и однозначность определений общего абриса его личности: это был «человек прекрасной души и благородного ума, сохранивший лучшие традиции людей сороковых годов»¹. В некрологе «Московских ведомостей» взгляд на личность Яхонтова носит еще более определенный характер:

Это была кроткая, ясная душа, всюду правдивая. Делая много добра, он никому не причинил зла, никогда не слышали от него неласкового слова. Русский всею душой, он отличался

---

¹ Некролог А. Н. Яхонтова, «Исторический вестник» 1890, т. 42, № 12 (декабрь), с. 856. Без подписи.

и русскою великою добродетелью, отзывчивостью сердца, которая особенно светила в нем среди общей холодности и себялюбия. Все меньше становится таких людей: смиренных сердцем, суровых к себе, верных долгу, не превозносящихся, но мудрых, мягких, часто скорбящих, но всегда бодрых, идущих твердо по нелегкой иногда дороге, без шума, не привлекая взоров толпы, но по смерти оставляя всем уже видные дела².

Представляется, что именно универсальность (и, в определенной степени, унифицированность личности Яхонтова) обусловили его причастность к ряду идеологических и эстетических течений, своего рода «каса-ния» к ним, ассимилирующие веяния текущего исторического времени. Многочисленные *неполные совпадения* с разноплановыми литературными тенденциями выступают как типические приметы «второстепенного поэта», «обыкновенного таланта». Яхонтову было не суждено обрести «собственное лицо» в поэзии, вместе с тем, он также не был способен в *полной* мере следовать в русле определенного направления, литературной школы, традиции в искусстве. Критик «Отечественных записок», где Яхонтов постоянно публиковался на протяжении нескольких десятилетий, укоряет его в непоследовательности по отношению к «некрасовскому направлению»³, ему вторит – по поводу выхода в свет единственного сборника Яхонтова – рецензент «Вестника Европы»:

[...] произведения г. Яхонтова иногда напоминают г. Майкова [...], иногда – гр. А. Толстого [...], всего чаще – Некрасова⁴.

Свойственная всем трудам Яхонтова *полнота незавершенности*, оригинальность, проявившаяся в отказе от претензий на самобытное литературное слово, – оказалась полезной в его переводческой деятельности («Богат я был сокровищем чужим...»⁵), в свое время по достоинству оцененной Белинским и Чернышевским⁶.

Вместе с тем, особенность «человека сороковых годов» проявилась и в том, что «он остается цельной личностью, на каком бы поприще ни действовал»⁷ (сравним с посмертной оценкой Яхонтова: «душа, *всюду* правдивая»). То, как, с точки зрения новейшего исследователя, позиционирует себя во времени главный герой романа А. Ф. Писемского *Люди сороковых годов* (1869), Павел Вихров:

² Некролог А. Н. Яхонтова, «Московские ведомости» 3 ноября 1890. Подп. «Е. П.».

³ «Отечественные записки» январь 1884, № 1, т. <CCLXII> CCLXVII, с. 3. Без подписи.

⁴ К. К. Арсеньев, *Новые сборники русской поэзии*, «Вестник Европы» 1884, № 5, с. 263.

⁵ *Светоч*, Петербург 1860, кн. VI, с. 6.

⁶ Н. Л. Вершинина, «Безупречный рыцарь» нового времени Александр Николаевич Яхонтов, Псков 2011, с. 35.

⁷ Л. Н. Синякова, *Художественная антропология русской литературы 1840–1870-х годов: образ человека в русской литературе 1840–1870-х гг.*, Saarbrücken 2011, с. 282.

[...] это поколение людей, которые в 1840-е гг. учились в университете и начинали служить; в 1850-е боролись с рутинной, прежде всего в своей профессиональной области, наконец, в 1860-е с восторгом приняли реформы и упрочивали новый порядок, каждый на своем месте⁸ –

может быть осознано в качестве близкой параллели движению во времени и внутренним преобразованиям личности Яхонтова, что подразумевает (как и в отношении Вихрова) совпадения с различными мировоззренческими модусами, в том числе, с разными векторами и фазами позитивизма. Позитивизм соприкасается с развитием Яхонтова, прежде всего, в общежизненном, широком – не столько теоретическом, сколько многостороннем деятельно-практическом смысле. Это в меньшей степени «мировоззрение», чем «жизнеотношение»⁹. Принадлежность к наиболее чутким представителям своего поколения и реализуемая в исторической и частной жизни функция «среднего человека» обусловили причастность Яхонтова к отдельным граням позитивизма, вне сознательной глубокой связи с его конкретными разновидностями. Можно сказать, что исчерпывающе представленные в монографии Б. Оляшек «элементы» и «облики» позитивизма¹⁰ «вошли» в личность Яхонтова как ее составляющие, подобно первоисточникам в его труде переводчика или классическим литературным образчикам, необходимым для творчества поэту «второго ряда».

Так, к первоэлементам относится *просветительская направленность* ранней деятельности Яхонтова, связанной не только с «университетской» эпохой (в 1838 г. он закончил Царскосельский лицей), но и с усадебной жизнью в Псковской губернии. В этот период генетически связанные с позитивистским мировоззрением просветительские идеалы¹¹ обретают у Яхонтова формы, сочетающие в себе мифологизирующую романтическую установку с рациональным позитивным взглядом на роль «полезного труда». В таком «сочетании несочетаемого» сам Яхонтов не видит противоречия – со временем он выработает позицию, которую в целостном виде определяет Б. Оляшек:

Позитивистские идеалы порядка и общественного консенсуса в сочетании с принципами либеральной экономики стали для России историческим шансом наверстать вековую отсталость от Запада¹².

Стремление найти основу согласия между силами природы и покоряющей ее человеческой волей, романтических порывов духа и их реального

⁸ Там же, с. 270.

⁹ Б. Оляшек, *Русский позитивизм: Идеи в зеркале литературы*, Łódź 2005, с. 4.

¹⁰ Там же, с. 68, 81 и др.

¹¹ Там же, с. 168.

¹² Там же, с. 288.

приложения к делу общественного служения, приравненного к обоюдно полезному союзу народа и дворянства; представление о необходимости развития «либеральной экономики» и народного образования в условиях поместного хозяйства и земских реформ; надежда на возможность двигать «прогресс» в рамках «полезной» деятельности «честного» чиновника; утопическая идея примирения настоящего и будущего с прошлым, утверждение прав прошлого наряду с не признающими его значения радикальными веяниями; склонность к «вольномыслию», близость с либерально-демократическими кругами и боязнь потерять вековые устои дворянской жизни и «идеалы порядка» – определяли образ действий и воззрения Яхонтова уже в 50-е годы.

Сюжет поэмы *Горькая ошибка*, написанной в середине десятилетия, типичен для авторской дуалистической концепции: в финале герой-мечтатель, напоминая одновременно Владимира Ленского и Александра Адуева, побродив по свету, возвращается в родное село, где, в тиши патриархальной идиллии, собирается воплотить в жизнь идеал «благословенного труда»:

Вступил Владимир в тихое село,
Где мать с сестрой его так долго ждали...
Свой уголок! – от сердца отлегло...

Там – честный труд, там праздно не мечтали,
Там жизнь текла обычной чередой...¹³.

Романтический идеал не исчезает, однако корректируется контекстом ежедневной борьбы с Судьбой посредством труда, врачующего смятенный дух:

Ведь счастье дается только с бою
И лишь трудом смиренным и святым...¹⁴.

Слияние всех жизненных сил в разумном труде, облагораживающем и оберегающем землю, возвышающем образ человека, разворачивается – как позитивная программа – в стихотворении с примечательным заглавием – *Природа человеку* (1851). Сакрализация природного мира:

Так и ты от житейского гнету
К новой жизни со мной возродись.
С век усталых стряхая дремоту,
Дивным чарам моим покорись... –

«накладывается» на естественнонаучные и социальные обоснования призывов природы человеку:

---

¹³ А. Н. Яхонтов, *Горькая ошибка*, подг. текста, вступ. ст. Н. Л. Вершининой, «Псков, научно-практический, историко-краеведческий журнал» 1995, № 3, с. 151.

¹⁴ Там же.

Я в объятья зову тебя снова,
Я зову тебя к жизни – к труду...
Всякий труд наградить я готова,
Только божьего солнышка жду¹⁵.

В стихотворении *Нет, песнь моя еще не спета...* (1883) мечта срастается с существенностью благодаря внутренней убедительности слова, которое поэт находит для характеристики «чарующих» небесных образов в их применении к земным потребностям:

Их человечество искало
И, в сне младенческом, мечтало
Осуществить их на земле.
Оно младому поколению
Пути открыло к просвещенью,
Над тьмой невежества неслось
С великим светочем науки,
Нашло в природе краски, звуки
И с нею в творчестве слилось...¹⁶.

Начиная с 50-х годов, Яхонтов не однажды доказывал на деле продуктивные возможности применения новейших достижений науки в усадебной хозяйственной практике. Изучение материалов псковской печати привело краеведа Н. Ф. Левина к выводу: вступив в 1859 году в управление именьями Псковского и Островского уездов после смерти отца и старшего брата, Яхонтов «старался делать это рационально». Левин приводит интересные сведения, подтверждающие данное заключение:

24 июля 1876 года, в «Псковских губернских ведомостях» появилось сообщение о том, что Яхонтов положил начало новому предприятию – разработке торфа на топливо, доказывая, что он дешевле березовых дров. Еще зимой Александр Николаевич проводил опыты на обычных голландских печах в Губернской земской управе, находившейся в доме Дворянского собрания. 26 февраля 1877 года на годовом общем собрании Яхонтов сделал доклад *О производстве торфа*. Та же газета напечатала его 7 мая. В сентябре следующего года на Первой сельскохозяйственной выставке, устроенной обществом, за прессованный торф ему вручили бронзовую медаль. Были отмечены и другие отрасли его хозяйства. Не меньший интерес вызвали произведенные на его полях в 1877 году опыты с искусственными удобрениями, которые тогда были еще в новинку. Отчет о них он сделал на заседании Псковского общества сельского хозяйства 22 ноября 1878 года, а в марте 1880 года их результаты были подробно проанализированы в «Земледельческой газете» [...] Уездная управа активно сотрудничала с Обществом сельского хозяйства. На экстренном собрании членов общества 14 января 1881 года был рассмотрен доклад Яхонтова

¹⁵ А. Н. Яхонтов, *Стихотворения Александра Яхонтова*, Санкт-Петербург 1884, с. 19.

¹⁶ Там же, с. 257.

уездному земству о распространении через склад общества хороших семян. Такие семена он стремился выращивать и в своем имении. 15 августа 1887 года «Вестник Псковского губернского земства» поместил объявление, что в селе Камно у землевладельца А. Н. Яхонтова во всякое время можно получить самые дешевые (по 95 коп. за пуд) семена ржи сорта *Местная Каменская*. А 17 мая следующего года уездная управа сообщила всем волостным правлениям для объявления крестьянам о продаже доброкачественных посевных яровых семян в восьми имениях, в том числе и у Яхонтова. За богатую коллекцию яблок ему вручили бронзовую медаль на Второй сельскохозяйственной выставке 1883 года. Такую же награду он получил на Третьей выставке 1888 года за рожь и за одногривый овес, а похвальные листы – за цветную капусту и за новый вид земляники, названный *Ежемесячной*. К тому времени и до конца жизни он состоял вице-председателем Псковского общества сельского хозяйства¹⁷.

К этому можно добавить, что незадолго до смерти тяжело больной Яхонтов в последнем заграничном путешествии посетил Париж, где в это время проходила Всемирная выставка, и настоял на том, чтобы подняться на только что построенную Эйфелеву башню, которая воспринималась как залог прогресса.

Идеи «консенсуса» своеобразно обнаруживаются в тех стихотворениях Яхонтова, где, вопреки их основной установке, заявляют о себе «голоса» прямо противоположной направленности, инородных философских концепций и общественных группировок. Поэт, девять лет прослуживший директором училищ Псковской губернии и подавший отставку из-за разногласий с ретроградным петербургским начальством; вопреки «общественному мнению» за два года до реформы освободивший своих крестьян; многократно избиравшийся уездным предводителем дворянства, председателем уездной земской управы, гласным Псковского уездного земского собрания и т. д. – словно вынужденно признает равноправие иной жизненной позиции и, что более значимо, своеобразную закономерность и даже неизбежность ее проявления. В данном случае мы наблюдаем как бы оборотную – по отношению к позиции Писемского – грань представлений и жизненного поведения, составляющих мир «среднего человека» сороковых годов. Если позиция Писемского, по заключению Б. Оляшек, выразилась в равном «неодобрении людей 1840-х и дельцов 1870-х годов»¹⁸, то для Яхонтова обе эти категории получают равное право на существование, как бы обрекаются на *существование*.

Особенно остро Яхонтов начинает сознавать факт бесполезности споров, общественной риторики, имеющих ничтожное значение перед реалиями текущей жизни, после реформы, в пору активного проведения земских

¹⁷ Н. Ф. Левин, «Не одной поэзией жив человек...» *Служебная, земская и общественная деятельность А. Н. Яхонтова*, [в:] *Творчество А. Н. Яхонтова в контексте русской и зарубежной культуры*. Коллективная монография, Псков 2011, с. 12, 13–14.

¹⁸ Б. Оляшек, *Русский позитивизм...*, с. 241.

мероприятий конца 60-х годов. В сатирическом стихотворении *Статистический комитет* (1869) об этом сказано прямо:

Велико в нас к статистике рвение.
Но, среди этого шума всего,
Затевая горячие прения,
Каждый носит в душе убеждение,
Что не выйдет из них ничего¹⁹.

Нечто подобное романтической иронии окрашивает лирические монологи Яхонтова, находит отзвук в его «ролевых» стихотворениях, композиционно ориентированных на поэзию Некрасова.

Двуголосость произведений Яхонтова может проявляться словно бы «без ведома» автора – в силу его невольного сочувствия *всем* участникам прений, понимания власти рутины в официальных и житейских сферах, значимости привычки и соприкасающихся с ней традиций и обычаев народной и дворянской жизни, разочарования в реализации мечтательных идеалов и неопределенности жизненной программы и т. д. В результате воспроизведение позиций, чуждых Яхонтову, в речевом выражении порождает не совместимые с авторской задачей тревоги и сомнения. В остро сатирическом стихотворении *Реакционеры* (1868), например, монологическая речь ложных апологетов науки, обличаемых Яхонтовым, неожиданно теряет эффект саморазоблачения и соскальзывает в плоскость действительного недоумения перед пугающими самого поэта радикальными переменами. Близкий к тому, чтобы разделить «позитивистское требование судить обо всем, опираясь на науку»²⁰, Яхонтов отражает в речи антагонистов как никчемность их собственных псевдолиберальных суждений, так и вызванный этими суждениями, уже не призрачный страх перед тотальным «отрицанием», зрелищем «голового скелета» истины и жизни в целом:

«А наставники! Слушать отрадно:
Новый метод, свободная речь...
Прежде – все принималось на веру,
Нынче – нет уже больше чудес:
Все *естественно*; взяли манеру –
Чудеса отрицать наотрез.
Бессознательно верить – не шутка!
Только в разуме – истинный свет,
Все должна *доказать* нам наука;
Что есть истина? – голый скелет!»²¹.

¹⁹ А. Н. Яхонтов, *Стихотворения...*, с. 135.

²⁰ Б. Оляшек, *Русский позитивизм...*, с. 32.

²¹ А. Н. Яхонтов, *Стихотворения...*, с. 117–118.

Но не менее важно и рациональное начало в регулировании хода истории, движения народной жизни: «Убитый дух не воскресает чудом»²².

Восходящие к просветительской идеологии размышления о пороках, свойственных людям безотносительно к формам общественного устройства, об «аномалиях», неискоренимых государственными реформами, о причастности каждого к происходящему и бессмысленности установления «правых» и «виноватых» – отразились в таких стихотворениях Яхонтова, как *Окно в Европу* (1863), *Речь губернатора при открытии земского собрания* (1868), *Погашение долгов* (1869), *Яровая страда* (1869), *Статистический комитет* (1869), *Две аномалии* (1870), *Дорожные думы* (1871), *Отец родной!* (1873), *Старый грех* (1873) и многих других.

Мысль о «страстях», не подчиняющихся «голосу разума», очевидно, проецировалась Яхонтовым на собственную душевную рефлексию – это придавало сентенциям убедительность лично пережитого опыта:

Видишь страсти людей – бушеванье валов
Бесконечно-мятежного моря,
Рычаги потаенные дела и слов –
Много видишь и смеха и горя!²³

Позитивистская идея *прогресса* также является одной из ведущих в поэзии и публицистике Яхонтова, временами сближаясь с теорией либерального консерватизма, движимого поисками «золотой середины» в приведении к «общему знаменателю» философских и идеологических «полюсов». Слово «прогресс» встречается в его творчестве в связи с неизменно возникающей проблемой «старины» и «новизны». В цикле *Наши города* (1868), где изображается провинциальный мир, Псков и другие «городки» губернии оценены именно по отношению к минующим их прогрессу и цивилизации, с позиции очевидного контраста столичной жизни и типичного российского захолустья:

Все одни и те же лица,
По копейке ералаш,
Да за Лугою – столица,
Как пленительный мираж...²⁴.

Еще менее утешительное впечатление – сравнительно с Псковом – оставляет уездный город Остров:

²² А. Н. Яхонтов, *Народ*, [в:] там же, с. 214.

²³ А. Н. Яхонтов, *Смех и горе*, [в:] там же, с. 179.

²⁴ А. Н. Яхонтов, *Псков (в 1853 г.)*, [в:] там же, с. 109.

Ты ж – закутался в снегах
И, во сне самозабвенья,
Киснешь где-то в трех верстах
От прогресса и движенья²⁵.

Интересно, что в сатире на провинциальные города позитивистский показатель «карьеры» не только уравнен с «полярными» – метафизическими – ценностями, но даже особо, в духе времени, выделен автором:

Чего?! – о счастье, о *карьере*
В ум не придет здесь никому,
Чего?! – любви, надежде, вере.
Терпенью – здесь конец всему!²⁶

Идеалы Яхонтова наиболее отчетливо были сформулированы в стихотворениях *Старый пруд* (1860), *Смех и горе* (1871), *Старый дом* (1880), *50-летний юбилей усадьбы друга* (1888). «Старина» и «новизна» в этих произведениях естественно совмещаются, примирение между ними вытекает из убеждения в поступательном движении истории, позитивном разностороннем взаимодействии общества и частного человека. Поддержку и энергию созидания «юноша» черпает в «предании»:

Здесь юноша, ступая первый шаг,
Пример себе в предании находит.
Напутствуем заветом старины
В потоке современного движенья,
Свеж, выйдет он из жизненной волны
На подвиги добра и просвещенья²⁷.

Не мечтательное, а фактически достигнутое в результате целенаправленного труда процветание «родного уголка» воодушевляет лирического героя стихотворения *50-летний юбилей усадьбы друга*. Одический пафос, в духе «похвал» эпохи Просвещения²⁸, проникнут лирическим чувством, рожденным созерцанием хорошо знакомого автору места:

Благословенный уголок!
Здесь с знаньем труд соединился:
Подрок взлелеянный лесок –
И в парк роскошный превратился;

²⁵ А. Н. Яхонтов, *Остров*, [в:] там же, с. 110.

²⁶ А. Н. Яхонтов, *Новоржев*, [в:] там же, с. 111.

²⁷ А. Н. Яхонтов, *Старый дом*, [в:] там же, с. 237.

²⁸ Н. Л. Вершинина, «*Безупречный рыцарь*» нового времени..., с. 124–126.

Пестреют пышные луга,
Где мхом окрестность зарастала,
Где может быть ничья нога
В глуши безвестной не бывала ...

Традиционная топка уживается с лексиконом современной эпохи:

Во всем прогресс, везде видна
Рука художника, и дивно
Преобразилась старина...²⁹.

Со временем стиль поэта становится более афористичным, четко формулирующим позицию несогласия с теми, кто не видит возможности примирения «покою» и «успеха» (слова, выделенные в тексте автором):

Здесь царствует наследственный *покой*
И чудно с ним *успеха* сочетанье³⁰.

Подобно большинству «второстепенных поэтов», Яхонтов двигался по течению жизни, не только изменяясь вместе с нею, но и постоянно стремясь ей вслед, усваивая и «переусваивая» новые импульсы, отыскивая им должное место в своем проекте жизнестроительства. Не принадлежа к разряду поэтов-эпигонов, обладая известным литературным дарованием, он всей душой отдавался веяниям времени, подчас перенимая их буквально как в практике поэтического творчества, так и в обычной жизни, являющей пример полезной деятельности рядового человека. Качество, о котором с долей иронии высказывался критик «Отечественных записок»:

[...] в начале пятидесятых годов он, как водится, воспевал «ее», «зарю», «море» и т. п., в шестидесятых годах переводил Гейне, а в семидесятых и в восьмидесятых – обратился к народу, и муза его стала «музой мести и печали»³¹.

– позволило Яхонтову понять актуальность краеугольных начал позитивизма, солидаризуясь с его отдельными сторонами (приоритет науки, разработка теории и практики использования природных ресурсов, беззаветное служение делу цивилизации и прогресса, умеренный радикализм, который сблизил Яхонтова с либеральным крылом). При этом позитивизм так и остался одной из многих тенденций, которая, сплетаясь с другими, синтезировалась мировоззрением Яхонтова и нашла себе выражение в гибридных конструкциях, свободно комбинирующих в его стихах заведомые противоположности.

²⁹ «Русская старина» сентябрь 1891, № 9, т. LXXI, с. 622.

³⁰ А. Н. Яхонтов, *Старый дом*, [в:] *Стихотворения...*, с. 237.

³¹ «Отечественные записки» январь 1884, № 1, с. 74.

Противоречия, однако, нивелировала теория «золотой середины», которая в 50–80-е годы определяла позицию Яхонтова, попеременно рождая в нем то надежды, то горькую самоиронию:

Глазом опыта смотришь и вдаль и вокруг,
Ищешь: где золотая середина?
Входишь в ясно очерченный круг,
В мир забот, в колею гражданина.
Хочешь вникнуть в глубоко лежащую суть
Обыденно-житейского дела,
Набрести на прямой, на сознательный путь,
Разобрать, что черно и что – бело.

.....
Безобразья людские в глаза так и бьют,
Точки светлые – редки и малы,
А в душе, как и встарь, величаво встают,
В недоступной красе идеалы.

От разлада их с жизнью душе тяжело!
Чуть тая ликование победы,
Тесно нас охватили неправда и зло –
Вечно – новые, старые беды!

Нудит что-то живьем показать их на свет,
Людям выставить их на потеху,
А выходят печальные образы!.. нет!
Желчь на сердце кипит... не до смеху!³²

Библиография

- Арсеньев К. К., *Новые сборники русской поэзии*, «Вестник Европы» 1884, № 5.
Вершинина Н. Л., *«Безупречный рыцарь» нового времени Александр Николаевич Яхонтов*, Псков 2011.
Левин Н. Ф., *«Не одной поэзией жив человек...» Служебная, земская и общественная деятельность А. Н. Яхонтова*, [в:] *Творчество А. Н. Яхонтова в контексте русской и зарубежной культуры*. Коллективная монография, Псков 2011.
Оляшек Б., *Русский позитивизм: Идеи в зеркале литературы*, Łódź 2005.
Синякова Л. Н., *Художественная антропология русской литературы 1840–1870-х годов: образ человека в русской литературе 1840–1870-х гг.*, Saarbrücken 2011.
Яхонтов А. Н., *Стихотворения Александра Яхонтова*, Санкт-Петербург 1884.
Яхонтов А. Н., *Горькая ошибка*, подг. текста, вступ. ст. Н. Л. Вершининой, «Псков, научно-практический, историко-краеведческий журнал» 1995, № 3.
Яхонтов А. Н., *Светоч*, Петербург 1860.

³² А. Н. Яхонтов, *Смех и горе*, [в:] *Стихотворения Александра Яхонтова...*, с. 178–179.